

История философии, 29. Фрэнсис Бэкон.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Хорошо, давайте начнём, ладно? И, кажется, я уже... На этой неделе я дал вам материал: «Бекон и Гоббс в чтении» и «Краткий обзор Гоббса». Сегодня утром и сегодня днем я хочу, чтобы мы сосредоточились на Беконе, и, если у нас будет время, на некоторых вводных моментах, касающихся Гоббса. Но для начала позвольте мне напомнить, о чем мы говорили в прошлый раз.

Иными словами, историю современной философии можно схематически представить как пересечение двух направлений мысли. С одной стороны, в британской философии – эмпирическая традиция, а с другой – в континентальной философии – рационалистическая традиция. Эти две традиции представляют собой распространение на все области исследования предлагаемых индуктивных методов науки, а с другой – дедуктивный математический метод, который собирается предложить Декарт.

Итак, мы проследим развитие этих двух направлений, начиная с британского, с Фрэнсиса Бэкона и Томаса Гоббса, Англии XVII века. Фрэнсис Бэкон, прежде всего, дает некоторое представление о своей цели и методе. Его общая цель очень очевидна в его трудах.

И это отражено во многих вторичных источниках, посвященных Бэкону. Но это часто не рассматривается в виде отдельных глав, которые встречаются в учебниках вроде «Штумпфа». Тем не менее, это особенно интересно, если мы пытаемся проследить изменение мировоззрения от средневековья к современности.

Поскольку Бэкон, будучи столь же истинным христианином, как и средневековые мыслители, подходит к этому делу совершенно иначе, его мать была пуританкой реформатского богословия. И это находит отражение в мышлении Бэкона и в его общей цели.

Он неоднократно ссылается на так называемый культурный мандат в первых главах Книги Бытия. Мандат, данный Адаму и Еве, — возродить, покорять, осуществлять власть, управлять и так далее. И он жалуется, что человечество, вместо того чтобы выполнять этот мандат, отвлекается от него.

Наша обязанность — восстановить право на природу, которое принадлежит человечеству по божественному завещанию. Таким образом, он, как это часто делают реформатские мыслители, рассматривает задачу философии, науки и

интеллекта в контексте творения, греха и искупления. Творение дало нам мандат.

Грех отвлек нас от предназначения. Искупление призывает нас вернуться. Именно в таком богословском контексте Он и работает.

Но те конкретные грехи, в которых он обвиняет, и та особая надежда на искупление, которую он питает, тесно связаны с философией. Иными словами, он считает схоластиков одними из главных виновников преступления, заключающегося в отвлечении человечества от культурного предназначения. Потому что схоластические споры несколько не помогают нам обогащать человеческую жизнь, преобразовывать общество посредством человеческих знаний и так далее.

Напротив, вместо бесплодия аристотелевской философии, как он её называет, бесплодия, которое его отвращает, он хочет нового подхода, нового метода, который поможет нам вернуться к задаче преобразования природы и формирования человеческого общества. Скажем так, если хотите. Средневековые люди рассматривали философию как *ancilla theologiae* (вспомогательную теологию).

Иными словами, философия как слуга, вспомогательный элемент, слуга теологии. Философия, служащая теологическим задачам. Бэкон рассматривает философию не как вспомогательный элемент, слугу теологии, а как слугу общества.

Понимаете, он работает на благо человечества. Пытается изменить мир, в котором мы живем. И он совершенно ясно дает понять, что его идеал — это своего рода утопический идеал.

Действительно, конец XVI века, елизаветинская эпоха, была эпохой утопий. Видите ли, это была эпоха утопий. И сам Бэкон писал о научной утопии, о которой он мечтал.

Утопия, иными словами, достигается путем применения научных знаний, знаний о природных процессах, к преобразованию условий. И именно это преобразованное общество, ради которого он видит всех трудящимися, он называет Царством Небесным, Царством Божьим. Таким образом, это своего рода религиозно мотивированный утопический идеал, характерный для эпохи Возрождения.

Но он видит надежду в реализации современной науки. Видите ли, современной наукой. Давайте не будем делать поспешных выводов, что он

считает, будто человеческие знания автоматически приводят к хорошим результатам.

Попутно он делает несколько этических замечаний. И совершенно очевидно, что, хотя, как он выражается, знание — это сила, и это его знаменитое изречение, знание — это сила, он хочет, чтобы эта сила контролировалась соответствующей этикой. А без этики естественного права, укорененной в схоластической традиции, понимаете, у него нет метафизической основы для этики, и поэтому этика должна исходить, по его словам, из истинной религии и здравого разума, что очень напоминает Уильяма Оккама.

Истинная религия — это божественные заповеди. Праведный разум — это благоразумие, проистекающее из осознания последствий. Истинная религия и праведный разум.

Итак, если у вас есть с собой сборник рассказов, а я хотел бы предположить, что есть, то это новый сборник, начинающийся с рассказа о Бэконе. О, вы имеете в виду, что не принесли его? Хорошо, в следующий раз.

Хорошо, я вижу, некоторые из вас, смельчаки, принесли с собой подержанные экземпляры, а другие — новые. В любом случае, принесите, нам понадобится весь экземпляр. На странице 20, ой, я принес не то слово.

Старая. Дай мне одолжить, можно, Жанель, одолжить твою? — Я говорила, глядя в зеркало. — Хорошо.

В самом-самом конце отрывка из произведений Бэкона, на странице 20, он пишет следующее: «Не будет лишним выделить три, так сказать, уровня амбиций у людей. Первый — это стремление расширить свою власть в родной стране».

Вот это уже эгоистичный тип. Какой из них вульгарный и дегенеративный? Значит, он не этический эгоист. Второй тип — это те, кто трудится, чтобы расширить власть своей страны и ее господство над людьми.

В этом, безусловно, больше достоинства, хотя и не меньше корыстолюбия. Это корпоративный эгоизм. Интересно для писателя эпохи Елизаветы, если вы знакомы с английской историей, понимаете.

Но если человек стремится установить и расширить власть и господство человеческой расы над Вселенной, то его амбиции, если их можно так назвать, несомненно, являются более благочестивыми и благородными, чем две другие. И эта власть человеческой расы над Вселенной, это господство над творением, понимаете? Вот в чем мотив Бэкона.

Возможно, вы встречали в литературе или слышали, что этот бэконовский акцент фактически дал современной науке право эксплуатировать природу, господствовать над ресурсами и окружающей средой ради нашего собственного удовольствия и блага, так что иногда экологические проблемы нашего времени приписывают Фрэнсису Бэкону. Честно говоря, я думаю, что это обвинение Бэкона без учета контекста, в котором он мыслит. Потому что, если внимательно почитать Бэкона, становится совершенно очевидно, что он рассматривает это не как господство, а как управление, соответствующее Царству Божьему.

Так что это совершенно разные вещи. Это не значит, что влияние Бэкона не давало людям никаких оснований, но дело было не в Бэконе. Дело было в том, как Бэкона интерпретировали вне контекста.

Итак, какой метод он имеет в виду? Какое знание может дать власть над природными процессами? И ответ, очевидно, должен заключаться в знании природных процессов. Знании природных процессов. И то, как он это формулирует, может ввести в заблуждение, если не обратить внимание на тонкое использование слов.

Потому что, с одной стороны, он отвергает любую метафизику форм. Иными словами, он не реалист в средневековом понимании реальных универсалий. Он отвергает любые метафизические формы.

Если существуют конечные причины, то есть цели, заложенные в природе, то это нам придётся оставить теологам. Это недоступно рациональным или эмпирическим средствам. Поэтому вместо метафизических форм он обращается к эмпирической науке, к науке, которая стремится обнаружить формы.

И если не быть внимательным, можно истолковать второе значение форм как тождественное первому значению форм, что не так. Второе значение формы — это просто единообразный способ протекания природных процессов. Иными словами, когда за действием А обычно следует действие В, вы получаете именно такую форму поведения в природных процессах, и ему нужен метод, который позволит получить именно такую форму.

Эта форма связана с процессами, которые полностью обусловлены действием физических сил в материальном мире. И философом, которого он наиболее высоко ценит в этом отношении, является, как и следовало ожидать в свете расцвета механистической науки, Демокрит, греческий атомист, понимавший всё в терминах материи и движения, хотя в своё время самым значительным учёным, несомненно, был, конечно же, Галилей, который мыслил в схожих с Демокритом терминах. Вот в чём заключается его цель.

Его метод, эмпирическая наука о формах, как мы увидим, побуждает его к разработке соответствующих индуктивных методов, индуктивной логики, а не дедуктивной. Позвольте мне добавить примечание о том, что, критикуя дедуктивное рассуждение, он мало ценит то, что могут установить силлогизмы. Проблема не в процессе вывода, заложенном в силлогизмах.

Проблема не в законах логики. Он слишком мудр для этого. Проблема в поиске посылок.

Именно на эту проблему, как вы помните, указал Аристотель в длинном вступительном разделе «Второй аналитики». Откуда берутся первые принципы для доказательства? Платон ответил: посредством диалектики. Аристотель ставит проблему бесконечной регрессии первых принципов или кругового рассуждения о первых принципах и, в конце концов, приходит к выводу, что мы способны интуитивно абстрагировать первый принцип, форму вида, из совокупного опыта, полученного нами при изучении всего вида.

Теперь речь идет о процессе интуитивной абстракции, который не нравится Бэкону. В одном месте он говорит о неправильно и поспешно абстрагированных понятиях, которые делают силлогистическое рассуждение бесполезным. Абстракция форм от видов, предложенная Аристотелем.

Он относится к этому с небольшим уважением. Однако интересно то, что, хотя Аристотель называл этот процесс индукцией (посредством индукции мы познаём формы), Бэкон также называет этот процесс индукцией (посредством индукции мы познаём формы).

Но поскольку индукция форм в первом смысле, в понимании Аристотеля, индукция посредством интуитивной абстракции, неточна, недостаточна и некорректна, ему, очевидно, нужен другой индуктивный метод для работы с формами во втором смысле. Поэтому следите за лексикой. Я думаю, это часть его литературного мастерства, и он действительно является литературной фигурой эпохи Возрождения.

Но это часть его литературного мастерства, понимаете, он говорит о формах, об индукции как о методе познания форм, что является аристотелевским языком, но не аристотелевскими понятиями. Он меняет, меняет объекты познания и методы познания. Познание происходит посредством нового метода этого нового объекта познания, который и даст силу.

Он считает, что познание старым методом, основанное на старых объектах познания, не дает власти над природой. Поэтому ему нужна эмпирическая наука, изучающая силы материального мира. Следовательно, знание имеет инструментальную ценность.

Он не стремится к истине ради самой истины, к пониманию ради самого понимания. Он не видит путь к истине как лестницу к созерцанию Бога, как это делали средневековые люди. Он не видит путь к истине как путь к созерцанию Бога, созерцанию форм, восхождению к созерцанию формы всех форм, добра, понимаете.

Нет, это не его иерархия бытия. Это не его мировоззрение. Он видит Бога как творца, но наша ответственность перед природой заключается в этом творческом мандате — господстве ради Царства Божьего.

Теперь, если вы можете придерживаться этой линии рассуждений, позвольте мне добавить еще один исторический контекст, который заглядывает дальше. На самом деле, есть всего две или три ключевые темы, связанные с Бэконом, которые нам нужно понять. Одна из них, безусловно, — это его концепция индукции.

Во-вторых, знание — это сила в соотношении с властью над природой, с принципом созидания. Но в-третьих, предполагается, что такого рода научное знание может быть полностью объективным. Идея о том, что научное знание может быть полностью объективным.

Идея заключается в том, что наука рассказывает нам о реальности, а не реализм об универсалиях, а реализм о научном знании. Именно этот акцент он передает Просвещению, которое наиболее ярко и влиятельно проявляется в шотландском реализме следующего столетия, XVIII века, связь с которым постоянно упоминается как у таких людей, как Томас Рид, шотландский реалист (мы познакомимся с ним позже), так и в недавних работах о шотландском реализме, поскольку в последние десять лет к нему наблюдается возрождение интереса. Среди тех, кто возродил к нему интерес, — Марк Нолл, благодаря своим исследованиям и работам по американской интеллектуальной истории.

Но в контексте шотландского реализма постоянно упоминается бэконовский взгляд на науку. Бэконовская наука. То есть наука, которая полностью объективна, наука, которая является чисто эмпирической, наука, которая не имеет никаких предпосылок, понимаете.

Наука, которая одинакова для всех: христиан, евреев, мусульман, индуистов, абсолютных натуралистов, понимаете. Объективная, эмпирическая наука рассказывает нам, как и любому другому человеку, о реалиях природы. В результате в этой шотландской реалистической традиции стало считаться, что современная наука дает нам прочную основу общеизвестных знаний, на которой культура может развивать свою собственную надстройку, на которой может развиваться философская теология, апологетика и так далее.

А для тех из вас, кто интересуется теологией и апологетикой, влияние этих дисциплин особенно сильно проявилось в нашей стране в Принстоне благодаря Уизерспуну, когда он стал президентом Принстонского колледжа. Таким образом, Принстонский колледж и Принстонская семинария стали проводниками шотландского реализма в американскую мысль. Классический пресвитерианский теолог 1860-х годов, Чарльз Ходж, действительно строит всю свою теологию на основе идей Бэкона, исходя из того, что наука говорит нам о реальности, и на этой основе мы можем утверждать существование Бога, а также свободу и ответственность человека и так далее.

И это оказало очень широкое влияние, в том числе и здесь, в Уитонском колледже. Давайте посмотрим: Дж. Оливер Басвелл, третий президент колледжа, был убежденным шотландским реалистом. Он был философом и теологом, много писал о шотландском реализме и оказал значительное влияние в этом отношении. Когда я учился здесь в бакалавриате, меня познакомили с философией в контексте шотландского реализма.

Не потому, что я учился у третьего президента, хотя я учился у человека, который учился у третьего президента, когда тот преподавал в другом месте после меня. Таким образом, влияние Бэкона в шотландском реализме повлияло на американскую евангелическую мысль. Сейчас, я думаю, оно гораздо менее заметно среди евангелистов, если только вы не пойдете в Эсбери-колледж и семинарию, где оно является доминирующим философским направлением.

Интересно, что возрождение шотландского реализма в большей степени происходит в современной американской эпистемологии. Оно гораздо более распространено, чем раньше. Итак, три вещи, которые следует помнить о Бэконе.

Хорошо. Первый метод — индуктивный, направленный на познание форм. Второй — объективность науки и её влияние на шотландскую реалистическую традицию.

И третье заключается в том, что научные знания имеют лишь инструментальную ценность, а не являются частью поиска истины и созерцания Бога. Хорошо. Теперь, чтобы уловить общий дух, цель и контекст его мышления, нам нужно сосредоточиться на более конкретных деталях.

И я хочу обратить ваше внимание на две вещи: негативную, критическую сторону его действий и более позитивную, конструктивную сторону. Критика направлена против идолов, как он их называл. Интересная религиозная метафора.

Это то, что люди воспринимают без критики, как будто это боги. Это ненаучные влияния на человеческую мысль, ненаучные влияния, которые необходимо изгнать, отбросить. И он выделяет четыре вида идолов: идолы племени, идолы пещеры, идолы рынка и идолы театра.

Идолы племени связаны с влиянием, возможно, бессознательным влиянием человеческого разума, особенно в отношении того, что мы считаем первопричинами, но что недостаточно обосновано. Здесь подразумевается, что существует некое знание, коренящееся в единообразии человеческой природы, врожденное, присущее ей, подобно законам природы, и эти идолы племени он отвергает. Врожденного знания не существует.

Из того, что мы знаем о человеческой природе, нельзя сделать вывод о фундаментальных принципах. Идолы племени, которое он отвергает, и отрывки, которые вы читаете, придадут этим костям конкретное осмысление. Идолы пещеры связаны с индивидуальным темпераментом, то есть с личной атмосферой, которой вы дышите в своей пещере, и которая влияет на направление вашего мышления.

Он хочет полностью от этого избавиться. Думаю, он был бы весьма удивлен тем, что говорили Уильям Джеймс или Фридрих Ницше около 1900 года. Джеймс, например, говорил о философской разнице между мягкосердечным и жестким мышлением, поскольку психологические особенности влияют на философские взгляды человека. Мягкосердечный человек, скорее всего, будет придерживаться оптимистического взгляда на природу.

Человек с жестким характером и более детерминистическим, пессимистическим взглядом на мир. Или Фридрих Ницше, который говорил о том, как воля к власти, сильная воля, противостоящая слабой воле, влияет на философские взгляды людей. Таким образом, на этой основе Ницше, по сути, применяет расистскую психологию.

Фолькспсихология — это психология расы, психология народа. Она попытается охарактеризовать философские взгляды французов, немцев, британцев и т. д. с точки зрения менталитета и темперамента людей. Таким образом, идолы пещеры связаны с индивидуальным или групповым темпераментом.

Я тут кого-то увидела. Кто это был? Кристен. Мне интересно, откуда взялось название "племя".

И мне стало интересно, не является ли эта пещера... отголоском Платона? Да, конечно. Вполне. Мы же заперты в своей собственной пещере, понимаете.

И поскольку эмоциональный темперамент, по-видимому, отчасти формируется физически, то и пещера порождает свой собственный эмоциональный темперамент. Племя, полагаю, здесь он имеет в виду весь человеческий род. Его идентичность.

И так далее. Да. Так что ваши подозрения верны.

Идолы рыночной площади. Ну, конечно, в городе или деревне XVII века все собирались именно там в рыночный день. Именно там ходили все сплетни.

Именно там и сформировался язык. Язык, передающий самые разные идеи, независимо от того, были ли они задуманы или нет, и независимо от того, были ли они осознаны или нет. И в этом смысле он утверждает, что идиома языка способна внушать философские убеждения, которые могут быть совершенно ошибочными.

Если мы предположим, например, что существительное обозначает вещь, сущность, субстанцию, то мы наделим субстантивной реальностью всё, что обозначается существительным. И подумайте, к чему это привело таких людей, как Платон, в их метафизике. Ни к чему.

Итак, идолы рынка. Идолы театра, да, именно там наши игры в воображение обретают реальность и собственную жизнь. Именно там наше воображение становится реальностью.

Таким образом, театр связан с философией, наукой и так далее. Он выделяет три вида философии: софистиическую, так называемую эмпирическую и суеверную. И то, как он использует эти термины, не только два, но все три, вызывает сожаление.

В качестве примера софистической философии он приводит Аристотеля. И именно там он делает эти нелестные замечания об индукции Аристотеля, где поспешно абстрагированные принципы разрушают возможность получения достоверных выводов из силлогистического рассуждения.

Эмпирическая философия относится к некоторым современным научным направлениям, где слишком мало тщательных наблюдений, слишком мало детального изучения, слишком мало эмпирической работы. И здесь он имеет в виду работы Гилберта, который проводил примитивные исследования, связанные с магнетизмом, магнитом и тому подобным. Суеверная философия — это философия, смешанная с религией.

Философия, смешанная с религией. И здесь он имеет в виду таких людей, как Пифагор и Платон, которые придают своим трудам религиозный ореол, так что

их философия приводит к своего рода мистической религии. И он гораздо больше предпочитает Демокрита.

Теперь, как видите, если взглянуть на этот ряд критических замечаний, можно увидеть, насколько основательно он отвергает прошлое. В пятницу я упоминал о возрождении скептицизма в эпоху Возрождения. Скептицизм по отношению к философии прошлого, скептицизм, обусловленный различными факторами, повторное открытие Секста Эмпирика, крах средневекового синтеза, эпистемологический вакуум, оставшийся после протестантской Реформации, и так далее.

Итак, вот Бэкон, видите ли, воспроизводит тот же скептицизм по отношению к философии прошлого, желая начать все заново, подобно тому как реформаторы вернулись к *scriptura sola*, то есть к Писанию как таковому. Таким образом, Бэкон хочет вернуться к эмпирическим фактам. Но обратите внимание, что он не видит никакой активной связи между философией и религией, как это видели средневековые мыслители.

Происходил синтез философского и религиозного поиска, философии и теологии. С Бэконом дело обстоит иначе. Это определенно не интеграция науки и религии.

Единственное сходство религии с наукой заключается в том, чтобы объяснить, зачем заниматься наукой. Зачем? Потому что она имеет большую практическую ценность. Она помогает выполнять культурный долг, частично восстанавливать человеческое состояние до того, каким оно могло бы быть, и так далее.

Так что дело не в содержании науки, которое связано с религией. Дело просто в цели науки, понимаете. А почему? Ну, я же упомянул Галилео.

Видите ли, Галилео страдал от тех, кто хотел интегрировать содержание науки с религией. Вот что и привело его к проблемам. А в Англии времен Бэкона, в елизаветинской Англии, существовала история религиозных преследований.

Вы знакомы с этой религиозной историей? Протестантская Реформация произошла во времена Генриха VIII, который сам был своего рода последователем Лютера. После его смерти королевой стала его дочь Мария, ярая католичка. И началась борьба между католиками и протестантами.

Между этими периодами был небольшой перерыв, когда королем был его сын Эдуард, еще совсем молодой человек. Он продлился недолго. Затем была Мария.

Затем Елизавета, протестантка. И вот, видите ли, ситуация изменилась. А после Елизаветы пришли Стюарты, и Яков I Шотландский, католик.

Видите ли, божественное право королей. А потом Карл I, который из-за этого лишился головы. Так что это были времена религиозной борьбы, религиозных преследований.

И, похоже, Бэкон очень стремился, или, по крайней мере, был рад, достаточно отделить религию от философии и науки, чтобы обеспечить некоторую защиту от тех, кто преследовал бы ученых или философов по религиозным мотивам. Он не хотел быть еще одним Сократом, пьющим яд цикуты. Ну, в те времена с ядами цикуты не ели.

Они делали это топором, и такие были. Кстати, вы когда-нибудь были в Лондонском Тауэре? Помню, как мы посещали Тауэр, когда нашим детям было, соответственно, шесть или восемь лет, с короткой стрижкой. И когда мы переходили по разводному мосту в Тауэр, помню, как этот здоровяк в своей одежде положил руку на коротко подстриженную голову одного из наших детей и сказал: «Смотри на эту голову, они там повсюду их оставляют».

Так Суда встретили в лондонском Тауэре. Да, именно так они расправились с оппозицией. Поэтому я думаю, что у Бэкона есть дополнительный стимул отделить религию от науки, религию от философии, следовательно, субъективную науку, пресуппозиционную науку.

Единственная связь религии с наукой заключается в той цели, которую она ставит перед наукой. Хорошо, теперь это подводит нас к тому, что касается его индуктивного метода, его позитивной стороны. И здесь он предлагает то, что он называет определенными таблицами, способами систематизации ваших результатов, систематизации ваших наблюдений.

И вы обнаружите, что Штумпф говорит об этом, кажется, на странице 224. Он говорит о таблице присутствия, таблице отсутствия и таблице степеней. И если вы знакомы с индуктивными методами Джона Стюарта Милля XIX века, вы поймете, что они коррелируют с этими методами.

Джон Стюарт Милль назвал это таблицей согласия, таблицей различия и таблицей метода сопутствующих вариаций, и по сути это одно и то же. В конечном счете, это очень простые экспериментальные методы. Если вы пытаетесь выяснить причину явления X и обнаруживаете, что ABC предшествует факторам X, Y, Z, и что нечто подобное повторяется снова и снова, то, исходя из согласия, вы вскоре начинаете подозревать, что существует некая причинно-следственная связь между C и X. Понятно? А если, с другой стороны, вы обнаруживаете, что, хотя ABC является antecedentом X, Y, Z, то там, где C

отсутствует, X также отсутствует, то, исходя из различия, вы снова начинаете подозревать, что существует причинно-следственная связь.

И если вы обнаружите, что при увеличении количества C пропорционально увеличивается количество X градусов, то это еще раз подтвердит наличие причинно-следственной связи. Таким образом, это простой эмпирический метод. Как мы получаем коэффициент линейного расширения металла? Видите ли, что, нагревая металл, мы можем определить его относительный коэффициент линейного расширения по сравнению с другими металлами.

Это довольно просто. Но обратите внимание, как обнаруженная вами причинно-следственная связь между A и X позволяет вам оказывать влияние на A в процессе создания X. Понимаете? И, следовательно, на природу.

Очень, очень просто. Очень ограничено с точки зрения современного научного метода. Нет понятия о роли гипотезы.

Роль гипотезы в стимулировании экспериментов. Отсутствие понятия концептуальной модели. Парадигмы и сдвиги парадигм, как мы их сегодня называем.

Ничего подобного. Экспериментальные методы, очень простые, совсем несложные. Но это начало современных эмпирических научных методов, Фрэнсис Бэкон.

Давайте посмотрим. Да, есть вопросы, комментарии? Бэкон — удивительная личность. Он принимал активное участие в британской политике.

Мне говорили, что он был канцлером Англии при Елизавете? Или при Якове I? Да, он пытался и всячески старался занять высокие политические должности при Елизавете. В итоге получил лишь менее значимые посты, но при Якове I ему сопутствовала большая удача. Так что, очень интересная и увлекательная личность.

Вы говорите, что он занимается философией. Похоже, он не особо увлекается философией. Его интересует наука.

Да. И, думаю, по этому поводу есть два замечания. Во-первых, в те времена люди не считали их чем-то особенным.

Иными словами, науки обрели независимый статус сравнительно недавно. Именно поэтому люди из любой дисциплины стремятся получить докторскую степень. Вплоть до XIX века наука была известна как натурфилософия.

В британских университетах, американских университетах и здесь, в Уитонском колледже, если вы посмотрите старые каталоги, например, по естественной философии, то увидите, что различие между дисциплинами не так очевидно.

До XIX века, в некоторых случаях и позже. С другой стороны, работы Бэкона имеют подлинное философское значение в двух отношениях. Во-первых, с точки зрения зарождения современной философии науки.

То есть, философские размышления о природе науки. Хорошо. И, во-вторых, с точки зрения происходящего изменения мировоззрения.

Там, где он четко обозначает переход, как Оккам называл это концом старого, Бэкон — началом нового. Это очень ясно прослеживается. Каково было его мнение? Вполне благоприятное.

Я пытался найти в прочитанных мною трудах явные отсылки к Оккаму. Не думаю, что нашел хоть одну в его работах. Но он и не часто цитирует людей.

Идеи Оккама — да. Британский историк науки по имени Кромби пытался показать, что эти таблицы, эти методы Бэкона, были в очень похожей форме предвосхищены Уильямом Оккамом. И помните, я только что указал, что его аргументация в вопросах этики по сути была той же самой, что и у Оккама.

Теперь, что мне не совсем ясно в отношении Бэкона, так это является ли он окканистом в отношении универсалий. То есть, является ли он терминистом, номиналистом? Или он концептуалист? Безусловно, он не имеет дела с абстрактными идеями. Но, похоже, он не хочет лишать теологов привилегии иметь дело с абстрактными идеями.

Если бы он был номиналистом, он бы отрицал возможность даже для теологов иметь дело с абстрактными идеями. Поэтому я склонен думать, что он скорее концептуалист, но всё же он находится под сильным влиянием Оккама. Когда он учился в Кембридже, давайте посмотрим, я думаю, я прав, когда он учился в Кембридже, Оккам был очень популярен.

На самом деле, и я, возможно, знаю точную дату, давайте попробуем, да, когда Оккам поступил в Кембридж в 1577 году в качестве студента, он был очень благосклонен к схоластическим методам. Схоластические методы всё ещё изучались, но были непопулярны. За 25 лет до этого, в Оксфорде, труды Дунса Скота были публично сожжены в знак протеста против схоластических методов и споров о них.

Так они поступили, когда произошли теоретические изменения. Они просто всё сожгли. Зачем захламлять библиотеку? Теперь они просто продают книги студентам.

Так что да, ответ — да, влияние Оккама очень ощутимо. Да, да. Хорошо, помните, я использовал индукцию в качестве метода, а объект познания — в качестве форм.

Аристотель использует один вид индукции для получения знаний о формах в его понимании этого термина. Бэкон использует другой вид индукции. Хорошо, что в итоге получается А и В, не правда ли? Для получения знаний о формах в его понимании этого термина.

Таким образом, способ познания метода соотносится с объектом познания. Что вполне ожидаемо. Так было и у Платона.

Если формы существуют в некой трансцендентной сфере, то у вас есть знания, чтобы постичь это трансцендентное. И изучение эмпирических случаев вам не поможет. Поэтому вы прибегаете к диалектике, чтобы отстраниться от частного и бороться с абстрактным.

Если формы неизбежны в частных случаях, то нужно попытаться их извлечь. Именно для этого и используется метод абстрактивной индукции Аристотеля. Если же реальных форм нет, и вы изучаете только частные случаи, то подойдут простые эмпирические методы.

Бэкон. Так очень хочется сказать. И признаюсь, когда я впервые прочитал «Бэкона», я именно так и говорил.

Но чем больше я читаю Бэкона, тем меньше мне так кажется. Возможно, потому что я слишком хорошо знаком с прагматизмом на другом конце спектра. Если, например, речь идёт о прагматизме Дьюи, то, когда мы начнём говорить о втором семестре Дьюи, вы будете читать его книгу «Реконструкция в философии».

И мне кажется, в первой или второй главе он говорит о Бэконе. И он выдает высказывание Бэкона о том, что знание — сила, за свое собственное. Поэтому очень заманчиво отождествить их обоих.

Но речь идёт о совершенно разных мировоззрениях. Понимаете? Бэкон — христианский теист. Он размышляет о божественном предписании для знания, которое может служить определённым целям в отношении Царства Божьего.

Дьюи — убежденный эволюционный натуралист, который рассматривает экспериментальное мышление как способ решения проблемных ситуаций, угрожающих выживанию. Понимаете? Это два совершенно разных подхода. Дьюи распространяет свое экспериментальное мышление на этику.

Бекон? Ну, вряд ли. Вряд ли. Он говорит о здравом смысле.

Но, похоже, эта осмотрительность во многом находится под влиянием классических концепций. Влияние эпохи Возрождения всё ещё ощущается. И, судя по всему, в некотором смысле на него повлияло возрождение платонизма.

Дэвид? Да. О, да. Да, потому что его методы позволяют получить эмпирические обобщения о причинно-следственной связи между А и В. Между С и Х, как это было в моем примере.

Да. Совершенно точно. Дэн? Чувствовал ли Бэкон себя обязанным отвечать на сомнения Платона и некоторых других философов относительно реальности игры, её изменчивости и того, как, по их словам, чувства их обманули? Он чувствует себя обязанным ответить на вопрос об относительности чувственного восприятия.

И в ответ он утверждает, что его методы направлены на минимизацию этой относительности. Путем умножения случаев, на основе которых достигается наше общее знание. Если вы не уверены, является ли это иллюзорным или относительным, то взгляните на другой случай.

Повторяемость научных наблюдений имеет решающее значение. Что касается теории относительности, он считает, что у него есть некоторые механизмы её проверки. Я не знаю, отстаивал ли он когда-либо реальность существования физических тел.

Если только речь не идёт о том, что он называет суеверной философией. В этом случае, как вы понимаете, предметом обсуждения были бы своего рода потусторонние размышления некоторых неоплатонистов. Но его критика этого, по сути, та же, что и его критика Аристотеля: это отвратительно изнеженное занятие, когда у вас есть мандат на то, чтобы что-то изменить в этом мире.

Поэтому он не прибегает к, скажем так, диалектической дискуссии в опровержении Платона. Его точкой отсчета всегда остается заповедь сотворения мира. И, исходя из этой точки отсчета, он скорее отвергает, чем опровергает.

Вы понимаете? Дэвид? Простите. Тогда каково было его мнение о падении? Ну, я подозреваю, что оно было примерно таким же, как и ваше. Скажем так, это было плохо.

Он рассматривает историю грехопадения как историческое событие. Он рассматривает человеческую греховность примерно так же, как и любой реформатский мыслитель, — как тотальную в том смысле, что она распространяется на все сферы человеческой деятельности. Полная порочность не означает, что всё, что мы делаем, всегда плохо или неправильно.

Я говорю о том, думал ли он каким-то образом о грехопадении, законах природы и о том, как мы получаем эмпирическую науку. Он не обсуждает эту возможность. Зато он говорит о том, как отстраненность человека привела к тому, что всё вышло из-под контроля.

Поэтому он сосредотачивается на влиянии на человечество и, через человечество, на природу. Да.